

О.Е. Трущенко

**ПРЕСТИЖНЫЙ АДРЕС: СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
СЕГРЕГАЦИЯ В МОСКВЕ***

Трущенко Ольга Евгеньевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 93-06-10177). Организационную помощь в работе оказал Фонд социальных инициатив "Поварская слобода".

Западная социологическая традиция трактует понятие "городская сегрегация" в широком и узком смысле. В первом случае имеется в виду политика расовой дискриминации, ограничивающая свободу выбора места жительства в городе и приводящая к разделению кварталов на "белые" и "черные". Во втором — подразумевается, что такая свобода ограничена социально. Как бы то ни было, но в городском пространстве одни социальные группы более или менее явно отделены от других, причем морфология их расселения в главных чертах отражает различия внутри самого общества, объективные социально-классовые отношения.

В основу анализа положены результаты исследования, проведенного летом 1993 года в одном из центральных районов столицы. Что касается теоретических построений, то автор опирался на работы французских социологов, где при всем многообразии концептуальных подходов и методических приемов познавательные горизонты проблематики заданы двумя главными предпосылками: во-первых, изучением социальных различий, неравенств, иерархий в специфически пространственном выражении и, во-вторых, их признанием как данности, не подлежащей сомнению в социологических картинах мира. В отечественной социологической литературе подобные работы отсутствуют. В моделях советского общества социальная дифференциация рассматривалась лишь как исторически преходящее явление и естественное следствие разделения труда. Исследования пространственной дифференциации были единичными [1; 2], а по Москве социально-территориальные различия изучались выборочно, причем не социологами, а географами [3]. Выводы, к которым приходили авторы этих немногочисленных работ, вполне соответствовали общепринятым идеологическим клише: в капиталистическом городе в основе социальной неоднородности расселения лежит социальное неравенство, в социалистическом — главную роль играют демографические характеристики жителей, давность освоения территории, размещение мест приложения труда и т.п. Социологическая мифологизация социально-пространственных различий приводила к перевернутым представлениям о причинах престижности внутригородского расселения. Утверждалось, в частности, что преимущественное значение здесь имеют такие факторы, как "тип застройки, развитость сферы услуг, близость центра, ландшафтно-экологические условия" [4].

Круг вопросов, находящихся в поле зрения французских социологов в 50-70-е годы, касался в основном того, каким образом экономическое и культурное расслоение проявляется через морфологию городского расселения и как углубляются противоречия социально-пространственного развития в результате вмешательства властей в обеспечение жилого фонда, социальной и транспортной инфраструктуры старых и новых урбанизированных территорий [5].

За последнее десятилетие новые акценты в изучении городской социальной сегрегации привнесли труды П.Бурдьё. По его утверждению, "в иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано... физическое

пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений"[6].

К познавательной стратегии, предложенной Бурдьё, обращаются М.Пэнсон и М.Пэнсон-Шарло, изучившие роль городской сегрегации в социальном воспроизводстве [7; 8]. Они оперируют понятием престижного адреса, которое можно уподобить "идеальному типу": символическая ценность местоположения в географическом пространстве города описывается в том чистом виде, в каком она выступает в отчетливо стратифицированном и жестко иерархизированном социальном мире. Исследователи анализировали жилищную практику социальных групп, занимающих самое видное положение в современном французском обществе, — парижской высшей аристократии и потомственной крупной буржуазии. Выбор объекта обусловила исходная методологическая посылка: социальное воспроизводство и социальная сегрегация в конечном счете обретают смысл именно по отношению к господствующим классам, которые, как и остальные, едва ли могут избежать принуждения, заключенного в логике городской дифференциации. Для них, полностью свободных от экономических стеснений, специфика жестких ограничений в выборе места жительства состоит в императивах воспроизводства своей социальной позиции.

Чтобы считаться престижным, адрес должен, во-первых, использоваться в практике расселения социально господствующих слоев и, во-вторых, — отчуждаться в качестве символического блага от групп, социально подчиненных. При этих двух условиях координаты места жительства обретают символическую ценность, иначе говоря — силу различать, демонстрировать и вынуждать признавать социальное превосходство. Так адреса становятся составляющими символического капитала.

В основе разных форм отчуждения престижа адресов лежат две взаимодополняющие модели социально-пространственной сегрегации. Суть первой в том, что социальные низы просто вытесняются за пределы символически ценных пространств. По второй модели, те из них, кто все же обитает в этих пределах, лишены доступа ко всем локализованным здесь благам, которыми пользуются привилегированные слои: престижное жилище, престижные школы, клубы, магазины и т.п. В "богатых кварталах" Парижа, например, где самые просторные квартиры и самые высокие цены на недвижимость, наряду с представителями высших социальных слоев, живет и определенная доля лиц скромного происхождения и положения, что фиксируется статистикой переписей [9]. Однако эти две категории практически не пересекаются в использовании пространств (жилых, общественных, административных), а их контакты ограничены отношениями "домашняя прислуга — хозяева", "служащий — патрон", "продавец — клиент" и т.п. Те, кто занимает в общественной иерархии низкие ступени, становятся как бы невидимыми в самых престижных кварталах и не влияют на их социальный образ, сложившийся в глазах парижан [10].

Что касается центра Москвы (территория в черте Садового кольца), где до половины населения проживает в коммунальных квартирах [11], но цены на недвижимость самые высокие, то этот район достиг пика престижности при гораздо большей, чем в Париже, дисперсии социальных слоев, более перемешанном социальном составе населения и расплывчатых социальных делениях пространства [12]. Здесь, ко всему прочему, живет не фиксируемая никакой статистикой, но, похоже, самая значительная, по сравнению с другими респектабельными столичными районами, часть низших социальных слоев, именуемая "лимитчиками". Можно предположить, что исключительно высокая репутация московского Центра определяется, по сути дела, теми отношениями социальной иерархии, которые воспроизводятся через употребление этого престижного пространства и локализованных в нем благ разными социальными группами.

Символический капитал, заключенный в адресе, оборачивается социальным гнетом над низшими классами, не по своей воле прикованными "жилплощадью" к Центру: "Престижное место, но мы ничего от этого не имеем. Я мечтаю выехать куда-нибудь на окраину. Нас тут буквально ничего не устраивает. Мы хотим жить по-человечески, чтобы была нормальная семейная жизнь, а для нас в этом плане ничего нет. Сколько здесь живем, столько и мучаемся. Мы отверженные, никому не нужные. Ни наши дети, ни мы". Этот фрагмент из интервью с семьей "лимитчиков" можно поставить эпиграфом к рассказу о полевым исследовании, проведенном в Центре Москвы.

Начиная с 60-х годов в трансформациях социального состава населения данного района наметились две противоположные тенденции: "обуржуазивание" и

"пролетаризация". Первую определило заселение в новые и реконструированные дома с отдельными квартирами тогдашнего советского истеблишмента — руководителей партийных, государственных и хозяйственных органов, элиты деятелей культуры и т.п., вторая же тенденция выражалась в смене состава обитателей коммунальных квартир. Часть живших здесь москвичей с возобновлением кооперативного жилищного строительства переехала в построенные на собственные средства квартиры, а в коммуналки стали поселять иногородних рабочих-мигрантов, которые оседали в Москве, пройдя через "лимит" и общежития. (Кстати, под общежития для них отводились также бывшие жилые дома с коммунальными квартирами в Центре.) Еще в начале 60-х годов социально разнородное население коммуналок (по происхождению, материальной обеспеченности, уровню образования, профессиональной принадлежности, статусу в должностной иерархии) делалось более гомогенным, причем сдвиг происходил в сторону низших общественных слоев.

Когда же рыночные регуляторы, легализованные с началом приватизации жилья в 1991 году, потеснили прежнюю распределительную систему, набрало темп и обуржуазивание Центра. Теперь это слово можно употреблять без кавычек.

Расселение коммуналок и реконструкция их для продажи (чем ныне занимаются многочисленные агентства недвижимости) в дополнение к обменам, происходившим в прежние годы, ускоряют социальную конверсию "пролетаризированного" жилого фонда. Из черты Садового кольца вымываются в первую очередь, наряду с люмпенизированными и деклассированными элементами разного рода, рабочая прослойка и интеллигенция, принадлежащая к самым малоимущим слоям. В Центре не просто продолжает прирастать фонд отдельных квартир. Благодаря реабилитации обширных апартаментов в дореволюционных доходных домах (ранее при капитальном ремонте с перепланировкой они дробились и превращались исключительно в типовые жилплощади по нормам СНиП) здесь восстанавливается парк самых просторных жилищ подобно тому, что отличает сегодня "богатые" кварталы Парижа.

Наше исследование, о котором пойдет далее речь, носило разведывательный характер. В основу сбора данных был положен метод полужурналистского интервью. В выборке представлены основные социально-профессиональные группы населения микрорайона (кроме высших государственных служащих, крупных предпринимателей, ведущих деятелей культуры), входящего почти целиком в одну из девяти заповедных зон, образованных в 1973 году внутри Садового кольца: "улица Никитская — улица Поварская". Свидетельства респондентов дополнили социологические наблюдения. Численность жителей обследованного квартала — около 10 тыс. человек. Жилищный фонд крайне разнороден по времени постройки (с 1870 по 1960-е годы), степени износа, уровню благоустройства, виду собственности и типу заселения. На 70 жилых зданий приходится 100 строений, занятых под представительские, административные, научные, культурные, образовательные, творческие, деловые и общественные цели. Среди различных расположенных здесь организаций значительную долю составляют посольства и научно-исследовательские институты. Деловой характер кварталов проявляется не столько в отдельных офисах, сколько в занятых под них квартирах внутри самих домов.

Пространство микрорайона к северу от Нового Арбата и Воздвиженки, сохранившее старую сеть улиц и переулков, но с нарушенными границами домовладений и редкими теперь дворами и палисадниками, насыщено памятниками архитектуры и уникальными культурными объектами — консерватория, Музей искусств народов Востока, академический театр им. Маяковского и т.п. Здесь расположены нерядовые учебные заведения — экспериментальная гимназия Российской академии образования, специализированная испанская школа, Российская академия музыки имени Гнесиных и т.п. Мир свободных и творческих профессий представлен Домом литератора и Домом журналиста.

Опрошенные 60 семей различались демографическим составом, географическими и социальными корнями, имущественным положением, а также характером профессий, уровнем образования и родом занятий. Под семьей понималось домохозяйство. Оно включало как несколько человек, связанных различной степенью родства и проживающих вместе, так и лиц, проживающих без родных, то есть тех, кого официальная статистика именуется одиночками.

В основу выборки положен принцип представительства населения различных типов домов. Их оказалось четыре: дореволюционной постройки, не проходившие реконструкцию, преимущественно с коммунальными квартирами и прошедшие

реконструкцию с перепланировкой квартир под отдельные; советской постройки 20-х — 50-х и 60-х годов, за редким исключением с отдельными квартирами (башни Нового Арбата).

Полученные данные позволяют предположить, что основными аспектами социально-пространственных делений Центра, посредством которых отчуждается его престиж, являются сегрегация жилья, школ и культурной инфраструктуры, выполняющей функции образования подрастающего поколения (кружки, секции, студии и т.п.). В роли экономически и культурно подчиненных групп выступают представители рабочего класса — как семьи мигрантов ("лимитчиков"), так и коренных москвичей. По сравнению с другими социальными категориями их жилищные условия отличаются наибольшей скученностью и наименьшим благоустройством. Исследование показало, что дети из семей рабочих вытесняются из государственных средних школ со специализированным и экспериментальным обучением и почти не используют разветвленную культурную инфраструктуру образования (кружки, секции, студии и т.п.), локализованную в черте Садового кольца.

Даже при схожих жилищных условиях рабочих и лиц, имеющих более высокий образовательный ценз и положение в экономической иерархии, именно первые в значительно большей степени отчуждены от расположенных в Центре уникальных культурных учреждений. Они практически не посещают находящихся "под боком" старинных музеев, библиотек, не ходят в консерваторию, театры, не говоря уже о закрытых клубных заведениях.

Чем выше социальная позиция семьи, коррелирующая с уровнем ее совокупного образовательного капитала, тем больше вероятность, что она проживает не в коммунальной, а в отдельной квартире, в условиях наименьшей населенности комнат и наибольшего количества метров жилплощади на человека.

Примечательно, что социальный водораздел проходит не только между домами, но и внутри них, поскольку там, где в основном отдельные квартиры, есть коммуналки, и наоборот. Более того, социальная дистанция воспроизводится даже внутри коммунальных квартир. При этом, чем выше социальная позиция семьи с детьми, тем вероятнее, что проживание здесь является для нее стратегическим выбором, учитывающим, что Центр дает максимальные возможности для наращивания культурного капитала прежде всего через образование и воспитание молодого поколения.

"Тут для детей толком ничего нет, никаких кружков, никаких секций", "в английскую школу моего ребенка не взяли", "до школы далеко, неудобно", — говорят одни. "Окружение здесь приятное и полезное для детей", "в нашей школе есть бассейн, кружки, дети могут заниматься большим теннисом", "в школе прекрасные педагоги", "у нас очень хорошая изостудия от Союза архитекторов", "мой сын много лет ходит в археологический кружок при Музее реконструкции Москвы", — рассказывают другие. Семьи эти, которые живут не просто на соседних улицах или в соседних домах, но зачастую в одном и том же доме, разделяет значительная социальная дистанция. Социальная иерархия воспроизводится через иерархию освоенных на практике общественных пространств, которые оказываются непересекающимися, неравно насыщенными средствами приумножения образовательного и культурного капитала и разительно отличными по своим возможностям приносить семьям долгосрочные прибыли в культурном, а через него и в экономическом планах.

Как уже отмечалось, в микрорайоне расположены разнообразные специализированные и экспериментальные средние школы. В этой сфере социальная сегрегация приобрела ярко выраженный характер пространственного вытеснения за черту Садового кольца прежде всего тех детей, чьи родители лишены дипломов о среднем специальном и высшем образовании или социального багажа, связанного с укорененностью семьи в Москве вообще и в изученных кварталах, в частности.

В интервью с семьями, где есть дети-школьники, фигурировали следующие учебные заведения: английские спецшколы (Вспольный переулок и Малая Молчановка), испанская спецшкола (Столовый переулок), экспериментальная гимназия Российской академии образования (Поварская), школа с математическим и литературным уклоном (улица Маркса и Энгельса — Малая Знаменка), православная гимназия (Кропоткинский переулок), школа с эстетическими классами (Хлыновский тупик), простая школа (Брянская улица). Последняя, в отличие от остальных, расположена за пределами Садового кольца — по другую сторону Москвы-реки, рядом с Киевским вокзалом. В этой ближайшей из простых школ, которая относится к отделу народного образования,

курирующему данный микрорайон, и до которой нужно ехать на троллейбусе, учится подавляющее большинство детей из семей рабочих. Если ребенку из такой семьи удастся преодолеть социальный барьер на вступительном конкурсе в спецшколу, это вовсе не означает, что он ее обязательно закончит — ведь за годы учебы может не раз потребоваться и багаж знаний родителей, бабушек и дедушек, и очень недешевые по нынешним временам услуги репетиторов. И то, и другое для семей скромного положения и достатка — дело нелегкое. Дополнительный штрих к сказанному: ни у одного из наших респондентов с высшим или средним специальным образованием ребенок не ходил в "простую" школу.

Итак, в Центре отчетливо проявляется социальная селекция учеников в средних школах с углубленной образовательной подготовкой, где существует легальный вступительный конкурс или разделение классов на простые и специализированные. Пространственный фактор максимизирует конкуренцию в доступе к коллективным средствам воспроизводства образовательного капитала по двум причинам. Во-первых, это доступное для претендентов расположение учебных заведений, и во-вторых, локализация их в той части города, которая наиболее густо заселена представителями привилегированных слоев, откуда к тому же рекрутируются лучшие преподавательские кадры. Действие социально-пространственных механизмов конкуренции во многом предопределяет первенство образовательных заведений Центра в иерархии себе подобных и тем самым воспроизводит их престиж, который усиливает культурную и социальную конкуренцию за доступ к ним.

От разветвленной сети культурных учреждений в Центре, предоставляющих широкие возможности для непосредственного приобщения к эстетическим ценностям, значительную часть семей из социальных низов отсекает непреодолимый барьер, который выступает и как экономический, и как социальный, и как культурный порог. Отсутствуют не только и не столько материальные средства, сколько обусловленная социальным прошлым семьи и накопленная поколениями практика. Об этом свидетельствует и наше исследование. В подавляющем большинстве случаев ребенок занимается в кружке или студии, посещает музеи и выставки, читает книги из общедоступных лучших библиотечных собраний и т.п. тогда, когда родителям, бабушкам и дедушкам привычна подобная практика, передаваемая следующему поколению как нечто само собой разумеющееся.

Культурный вакуум, в котором оказываются семьи из социальных низов, отчасти разряжается за счет некоммерческой сети культурно-образовательных заведений, предназначенных именно для населения микрорайона, нуждающегося в социальной поддержке. Но это не снимает социального отчуждения от главных средств накопления знаний и умений, сообщающих своим владельцам силу в социальной конкуренции и конструирующих социальную идентичность господствующих классов. Например, практически невозможно приобщиться к таким универсальным ныне формам образовательного капитала, как свободное владение иностранными языками и компьютерной грамотностью путем посещения бесплатного кружка при местном клубе или получить классическое художественное воспитание благодаря фольклорной студии, которую ведут энтузиасты.

Наряду с рассмотренными, отчуждение престижа Центра от обитающих здесь социально подчиненных слоев касается и некоторых других аспектов. Так материалы исследования позволяют предположить: на упомянутый процесс влияет то обстоятельство, что одни семьи способны противостоять негативным воздействиям на здоровье, связанным с проживанием в этом весьма неблагоприятном с экологической точки зрения районе, а другие нет. Жилищная скученность и вызванные ею стрессы, коммунальные дразги, нередко сопровождаемые применением физического насилия, отсутствие полноценной рекреации (за неимением, скажем, дачи или материальных возможностей ее арендовать) оказываются платой за престижный адрес для тех семей, кому он не по социальному рангу. Новые тенденции отчуждения престижа Центра выражаются через социальную сегрегацию торговых площадей (более стремительную, чем в других районах): перепрофилирование бывших общедоступных государственных магазинов на самый дорогой, изысканный, шикарный, деликатесный ассортимент, что приводит к изъятию этих пространств из повседневной практики употребления для многих семей, составлявших ранее постоянную местную клиентуру и нередко выносящих теперь свою покупательную активность за черту Садового кольца.

Так или иначе, есть основания ожидать, что в условиях значительной инерционности

процессов расселения, а значит и при сохранении социальной неоднородности Центра, его престиж будет прирастать не столько за счет формирования исключительно элитного состава обитателей (предпосылки к этому создает, в частности парк самых просторных квартир, высвобождающихся в результате расселения коммуналок), сколько посредством усиления социально-пространственной сегрегации и социального отрицания физического присутствия подчиненных слоев. Кто окажется в числе последних, когда исчезнут коммунальные квартиры вместе с нынешними обитателями?

Феномены социально-пространственной сегрегации в Центре носят, как представляется, не узко локальный характер. Их изучение помогает увидеть вероятную модель дальнейшей эволюции престижного расселения в Москве, где градостроительная и жилищная политика продолжает воспроизводить социальную неоднородность населения старых и новых кварталов (50%-ная квота жилья для очередников в домах, возводимых частными инвесторами для рыночной реализации квартир; смешанная застройка микрорайонов типовыми многоквартирными домами и коттеджами на одну семью; восстановление первоначальной крупногабаритной планировки апартаментов в бывших доходных домах и дробление больших коммунальных квартир на мелкие отдельные при реконструкции дореволюционного жилого фонда) и где процессы социального и имущественного расслоения независимо ни от какого внешнего вмешательства приносят неоднородность в бывшие относительно гомогенными дома и кварталы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукавишников В.О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1983.
2. Треков В.В. Население города и пригорода. М: Финансы и статистика, 1983.
3. Барбаш Н.Б. Некоторые социально-демографические особенности расселения в Москве // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. N1.
4. Портнов Б.А. Городская среда — феномен престижности // Социологические исследования, 1991. N1.С.70.
5. Лейбович О.Л., Трущенко О.Е. Социальные проблемы урбанизации во Франции //Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990.
6. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / Сост., общая редакция и предисл. Н.А.Шматко. М.:Socio-Logos, 1993. С.36, 40.
7. Pinion M., Pinion-Chariot M. Dans les beaux quartiers. Paris: Editions du Seuil, 1989.
8. Pinion M., Pincon-Charlot M. Quartiers bourgeois, quartiers d'affaires. Paris: Editions Payot, 1992.
9. Pinion-Chariot M, Preteceille E., Rendu P. Segregation urbaine. Classes sociales et equipements collb'Ctifs en region parisienne. Paris: Anthropos, 1986.
10. Taboada-Leonetti I. Les immigres des beaux quartives. Paris: L'Harmattan, 1987.
11. Бодэ Б.В. Столичный центр: структура и функции // Москва 2000. Какой ей быть? М.: Стройиздат, 1990. С. 123.
12. Трущенко О.Е. Городская сегрегация в пространстве столичного расселения // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып.2.
13. Грибное В.И. Дифференциация жилищных условий населения и проблема "излишков" жилья (по материалам социологического исследования в Октябрьском районе г.Москвы) // социальные аспекты ускорения решения жилищной проблемы. М.: Институт социологии АН СССР, 1990. С.44.
14. Бабаева Л.В., Гришанов В.И., Криворучко А.Н., Назарчук Е.Я. Программа социологического исследования "Жилищные условия городского населения". М.: Институт социологии АН СССР, 1988. С.53.
15. Чередниченко Г.А. Спецшколы как механизм социокультурного воспроизводства // Отчет по проекту "Латентные механизмы социокультурного воспроизводства в условиях кризисного общества". Институт социологии РАН, 1992.